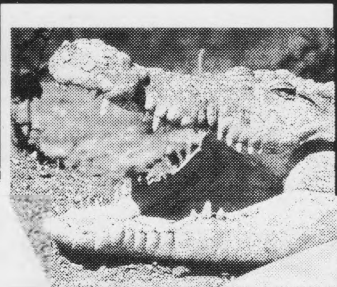
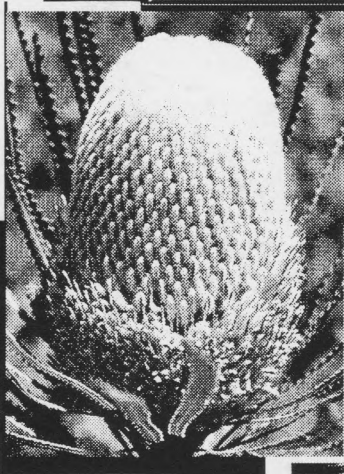
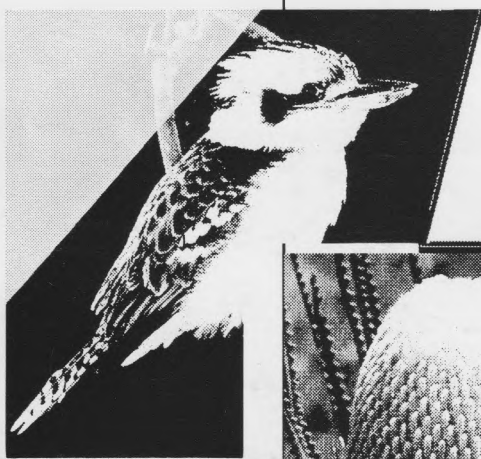

АВСТРАЛИЙСКАЯ МОЗАИКА

AUSTRALIAN
RUSSIAN
LANGUAGE
ALMANAC

2

ХУДОЖЕСТВЕННО
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

В новом краю

(Русское восприятие Австралии во второй половине 19 века)

Мы продолжаем публикацию глав из книги Елены Говор *Australia in the Russian Mirror, Changing Perceptions (1770-1919)*.

"Свое собственное лицо"

Австралийские города – их внешний облик, характер, стиль и темп жизни, их достопримечательности, составляли одну из излюбленных тем русских путешественников. Русские посещали их в то время, когда города эти были населены именно тем обществом, которое и создало их по своему образу и подобию. "Город, в котором есть жители старше его годами", – писала об этой особенности австралийских городов София Витковская.

Первый вопрос, который занимал русских, английский ли город перед ними или что-то новое, особенное, австралийское. Характерно, что слово "английский" в данном случае несет сознательную или подсознательную негативную нагрузку. Например, Вильгельм Линден писал в 1870 г. о Хобарте: "Лишь только вы вступили на берег, вас поражает совершенно английский характер места. В городе не встречается зданий, которые могли бы иметь претензию на изящную, величественную архитектуру". Эдуард Циммерман в 1881 году писал в том же духе об Аделаиде, которая "как будто целиком перенесена сюда из какого-нибудь английского графства". В следующей фразе он недвусмысленно поясняет свое отношение к этой "английскости": "Архитектура домов, или скорее отсутствие всякой архитектуры... вывезена из Англии".

Русское недовольство "английскостью" вызвано не просто англофобией. Отправляясь в Австралию, русские несомненно ожидали увидеть здесь что-то новое и необычное, и тем сильнее было разочарование, когда эти надежды не оправдывались. Эти настроения хорошо передает Александр Линден в 1863 г.: "На человека, недавно оставившего Европу, [Мельбурн] не производит особенного впечатления; в нем нет ни оригинальности, ни того местного колорита, который казалось бы так натурально ожидать в Австралии. Это совершенно европейский город". Те же чувства, совсем по-детски, выражает и София Витковская в 1896 г.: "Вот мы и видели Аделаиду и имеем право сказать, что побывали в Австралии. Что же? Особенного ничего, город, как город и люди, как люди". В американских городах русские такого чувства не испытывали.

Но мы были бы не правы, если бы сочли, что русским путешественникам австралийские города не нравились. Напротив, обманутые ожидания найти в австралийских городах "местный колорит" с лихвой компенсировались теми благами, которые предоставлял современный "европейский город" на

краю земли. Особенно сильно это чувствовали моряки русской Тихоокеанской эскадры, проводившие большую часть службы на Дальнем Востоке, в Китае, Японии, Юго-Восточной Азии. В 1863 г. А.Линден, который сначала, как кажется, был разочарован Мельбурном, пришел к заключению: "Я именно был рад, что Мельбурн на время заставил меня забыть Китай и напомнил Европу". Те же чувства передал корабельный врач "Светланы" Дмитрий Мерцалов, одним из первых русских описавший Мельбурн в 1862 г.: "Находясь под такими неизящными впечатлениями [в портах Востока], чувствуешь себя в Мельбурне как бы в совершенно новом мире". Николай Небогатов, в 1894 г., был уже совершенно однозначен в своей оценке: "Мельбурн вполне европейский город ... лучший даже из столиц второстепенных европейских государств".

Русских привлекало в австралийских городах и наличие в них новейших достижений техники. Мерцалов еще в 1862 г. отмечает, что Мельбурн "вмещает в себе все, что выработали цивилизация и просвещение: ... железные дороги, электрические телеграфы, роскошное газовое освещение, водопроводы, стоящие миллионы, великолепные здания".

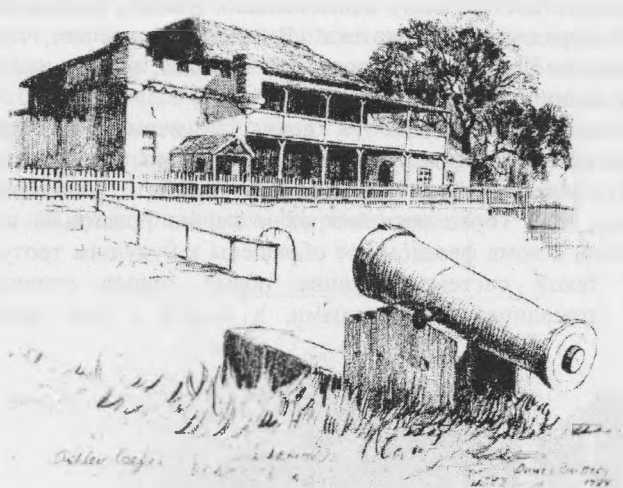
Русским также нравилось, что Мельбурн, Аделаида и Дарвин строились по плану, а не наспех, здесь даже недостроенные здания воспринимались ими как знак большого будущего. В их описаниях Аделаиды и Мельбурна часто звучит тема молодости, новизны, свежести, праздничности. Скупой на похвалы Д. в 1871 г. отмечает: "Аделаида – красивый город ... имеет праздничный вид ... все выглядит ново и нарядно". На Витковскую "беленькая и чистенькая" Аделаида тоже произвела "веселое впечатление". И Мельбурн оставляет у нее "впечатление молодости, свежести и силы; в нем не видно старых зданий; все ново, все блестит, все полно жизни". Такому впечатлению способствовала и оживленность и многолюдность центральных улиц.

Знакомясь с австралийскими городами, русские включились и в вечный спор между Сиднеем и Мельбурном. Первые сравнения появились еще в 1863 г., когда "Богатырь" посетил оба порта. Начальник Тихоокеанской эскадры Андрей Попов писал: "Мельбурн уже теперь во всех без исключения отношениях принадлежит к числу весьма замечательных городов в целом свете" и что "он безусловно хочет быть сердцем, столицей Австралии". Сидней, как кажется русским, проигрывает при сравнении с Мельбурном. На фоне широких, прямых улиц Мельбурна сиднейские улицы им кажутся узкими и кривыми, причем именно здесь они замечают пыль и грязь. По мнению Павла Муханова, в Сиднее "не было ничего столичного. Перенесенный в Англию, он бы стал в ряд самых второстепенных; он и обещает меньше, чем Мельбурн, - там улицы широки и пересекаются под прямыми углами; в Сиднее они хоть и длинные, но неправильны. Попадает несколько красивых зданий, но они окружены двухэтажными лачужками; вообще, Сидней не представляет тех условий современного европейского города, которые мы на каждом шагу встречали в Мельбурне; в нем нет таких театров, магазинов, освещения, нет и той неутомимой лихорадочной деятельности". Причины того, что, с возникновением Мельбурна, Сидней "заметно отодвинулся на второй план", они видят в том, что Сидней был основан "насиловственно", "административным порядком", "а потому приобрел много европейских привычек, которые не соответствуют потребностям здешнего юного, полного кипучей жизни общества". Циммерман в 1881-82 гг. также постоянно противопоставляет Мельбурн и Сидней. Если первый он находит "демократичным, размашистым, своеобразным", то второй кажется ему "довременно состарившимся".

В восприятии русскими Сиднея наблюдается еще одна любопытная особенность – двуцентровость города. Один центр – это собственно сити (Джордж-стрит и Питт-стрит), второй – Порт-Джексон. Подобной дихотомии не наблюдалось, как кажется, в начале 19 века, когда небольшое поселение начинало свою историю от берегов Сиднейского залива и было тесно связано с портом. Не наблюдается эта дихотомия и в наше время, когда центральная часть Порт-Джексона, район Рокс и

центральные улицы стали единым центром огромного города. Во второй половине 19 века ситуация была другой – центр города – Джордж-стрит, Таун-Холл, Почтамт – отодвинулся от Порт-Джексона и стал восприниматься как нечто самостоятельное. Не случайно в восприятии русских Порт-Джексон выступает не как центрообразующий элемент города, а скорее как входные ворота к собственно городу. Причем именно Порт-Джексон заслуживает высочайшей похвалы. Моряки, сравнивая его с Севастополем, который они прежде считали самым лучшим портом в мире, должны были признать, что "Сиднейская бухта лучше Севастопольской и бесспорно самая лучшая в целом свете". Циммерман писал о Порт-Джеконе: "Дивный, не поддающийся никакой живописи залив", а Витковская уже отмечает, что залив этот – "предмет гордости всякого истинного сиднейца", и добавляет, что первый вопрос, который слышит приехавший человек, "не о здоровье, не о благополучии перехода, а о том, как ему понравился Порт-Джексон".

Старый Сидней. Рис. Эшлея КУПЕРА

Любопытно, что на восприятие города накладывал свой отпечаток и субъективный фактор. Это объясняет единственный известный мне негативный отзыв о Мельбурне, принадлежащий адмиралу Авраамю Асланбегову. В этом городе он стал жертвой глубоко возмущившей его антирусской кампании. Это вполне могло способствовать тому, что многое в Мельбурне он видел в черном свете: Дом Правительства показался ему "тяжелым и безобразным зданием", а громадный зал в нем, по его мнению, "напоминает собою казарму". "Две главные улицы ... довольно широки, но имеют спуск и подъем, что всегда неприятно для гуляющих; магазины роскошны, но все дорого". Одним словом Мельбурн его разочаровал: "Потому ли, что мы ожидали по рассказам о Мельбурне найти его лучшим, более грандиозным, или потому, что мы пришли в мертвый сезон лета, т.е. в январе месяце, но он далеко не произвел того впечатления, к которому мы готовились и на которое рассчитывали".

Русские моряки и путешественники бывали не только в столичных, но и в провинциальных городах. Из Мельбурна они совершали поездки в Балларат и Бендиго, из Сиднея – в Батерст, из Брисбена – в Дарлинг-Даунс. Миклухо-Маклай бывал в нескольких поселениях внутренних районов Квинсленда и севера Нового Южного Уэльса. Но никто из них не мог превзойти Циммермана, совершавшего специальные поездки по железной дороге и в дилижансе по внутренним районам Южной Австралии, Виктории, Тасмании и Нового Южного Уэльса. Он вспоминал: местные жители иногда недоумевают, какой интерес может быть в посещении только что возникающих городов, с их ничужками среди пустопорожней местности, где не найдется даже порядочной гостиницы. А между тем для всякого, желающего ознакомиться с краем, именно эти города, в разных фазах их развития, гораздо любопытнее всяких здешних памятников и архитектурных произведений. Это – своего рода своеобразное изучение городов".

Балларат и Бендиго произвели на русских самое благоприятное впечатление. Один из русских офицеров еще в 1862 г. утверждал: "Города в окрестностях мин [золотых приисков] не уступают ни в чем самым изящным уголкам Европы". А.Линден, признавая, что хотя дома горожан "большею частью деревянные и выстроенные на живую руку, ... главная улица успела уже одеться в большие каменные здания". Циммерман двадцать лет спустя нашел, что "щегольские здания" на главной улице Балларата "немного в чем уступают таким же строениям в Мельбурне". Он характеризовал Балларат и Бендиго как "типичные австралийские города", которые "имеют свою собственную физиономию, свой, им только свойственный, пошиб, отнюдь не напоминающий о подражании чему бы то ни было". Несомненно, что

то австралийское своеобразие, которого, по мнению русских, были лишены столичные города, они нашли именно здесь, на золотых приисках.

Русские, особенно Циммерман, описали и ряд небольших городков внутренних районов и прибрежных поселений. Самое сильное впечатление производило на них то, что даже очень молодые и небольшие города имели "все предметы первой необходимости вполне цивилизованного быта", что включало церковь, школу, отель, отделение банка, несколько магазинов, аптеку, почту, телеграф, мастерские ремесленников и, по выражению Циммермана, "неминуемый институт механиков с читальней и библиотекой". Часто такой городок имел и собственную газету. На глазах Циммермана поселения эти активно благоустраивались, проводился водопровод, газ, строились дороги.

Между Ичукой и Дениликуином среди леса он увидел начало нового городка. "Между деревьями виднелись наполовину выстроенные деревянные домишки; между ними по вывескам можно было узнать отель, лавку съестных и мелочных товаров, потом бараки сапожника и седельника". То же отмечают и другие русские путешественники. Владимир Ланг в 1886 г. пишет, что Джорджтаун на северном побережье Тасмании "состоит всего из нескольких домов и нескольких сотен жителей", но "в городе существует банк и порядочная библиотека". Витковская отмечает, что несмотря на скромные размеры поселения на острове Четверга в Торресовом проливе, в нем имелось три отеля, один из которых был "даже слишком приличен для такого захолустья".

Как и русские моряки в начале 19 века, Циммерман подчеркивает, благотворность строительства городов по плану. Поначалу ему показалось, что в Моргане, который только начал отстраиваться на берегу Муррея, "все строения раскинуты ... в крайнем беспорядке". Но приглядевшись, он увидел, что "город распланирован весьма правильно и улицы его обозначены торчащими в земле тычками, а дома фасадом все обращены к будущим тротуарам". Он делает общий вывод, что "благодаря такой системе здешние новые города отличаются своею стройной правильностью, своими прямолинейными улицами, а вместе с тем чрезвычайным порядком и образцовою чистотою".

Но вместе с тем не все вызывало его симпатию в австралийских провинциальных городах. Динамизм американских поселений, бывших для него идеалом, вступал в контраст со спокойной, сонной жизнью австралийской глубинки. "Здесь ... нет той кипучей деятельности, какую ожидаешь в молодом крае. Жители как будто окончательно устроились и затем предались отдыху после многотрудной жизни". "Жители ... не обуреваемы суетными тревогами американского неугомонного движения *вперед*". С иронией относится он и к "поползновениям" провинциальных городов "во всем подражать столице и по возможности ни в чем не отставать от нее".

Остается сказать несколько слов об особенностях городского образа жизни и жилища, отмеченных русскими. Как одну из характерных черт английского образа жизни они отмечают деление крупных городов на деловую, торговую часть и окраины с индивидуальными коттеджами. Но и здесь они видят некоторые новые, характерные для Австралии тенденции. Витковская отмечает стремление горожан селиться не в самом Сиднее, "где квартиры весьма дороги", а за городом, "пользуясь удовольствиями дачной жизни и нисколько не теряя удобств городской". Циммерман с одобрением писал о самоуправлении предместий Мельбурна и считал, что именно благодаря этому предместья устраиваются "образцовым порядком и в этом отношении превосходят" русские столицы, "занимающие пространства огромного размера, где как центральная часть, так и отдаленные окраины состоят обыкновенно под ведением одной и той же думы".

Как и в начале 19 века, русские с большой симпатией описывают индивидуальные жилые дома: "нарядные", "веселые", окруженные опрятными садами и палисадниками, напоминающие им русские

дачи. Но в то время как в России дачами владели лишь состоятельные люди, здесь же, напротив, русские подчеркивают, что обитатели этих коттеджей – рабочие и ремесленники. Тимофеевский в 1882 г. противопоставляет их "скудным, грязным и с отсутствием гигиенических условий помещениям, которыми изобилуют некоторые кварталы больших европейских городов".

Что касается архитектуры, то, как уже отмечалось, "английскость" ее вызывает неприязнь. Циммерман особенно критикует тот факт, что "цепкие к прадедовским привычкам англичане вздумали строить как у себя дома" и не приспособливают здания к теплоте климату Австралии. И все-таки русские в конце 19 в. начинают замечать и некоторые специфические черты австралийской архитектуры – например, навесы над тротуарами, использование гофрированного железа и такой характерный элемент австралийской постройки как веранда. Циммерман описал и характерный тип сельской архитектуры – дощатые дома с наружными каминными трубами. Русские, как кажется, испытывают идушую из Англии формализованность, четкую структурированность пространства внутри жилища, в частности, центрообразующую роль гостиной. Даже в гостинице Циммерман замечает, что "номер – не что иное как спальня", а для чтения и письма существует специальная общая комната.

Итак, в отличие от восторженного восприятия австралийских городов в первых десятилетиях 19 века, теперь отношение русских стало более критическим. Несомненно, имея за идеал молодой американский город, они считают недостатками отсутствие в австралийских городах местного колорита и перенесение на австралийскую почву устаревших особенностей английского города и стиля жизни. Тем не менее, они одобряют современные технические новшества, планировку городов с учетом будущего развития и особенно тот факт, что даже маленькие поселения предоставляли для своих жителей все необходимое для культурной и комфортной жизни.

Старый Сидней. Рис. Эшлея КУПЕРА